

Константин Леонтьев

**Записка об Афонской Горе и
об отношениях ее к России**



Константин Николаевич Леонтьев

Записка об Афонской Горе и об отношениях ее к России

«...Афон имеет в настоящее время для нас двойное значение. Одно его значение – чисто церковное, православное, рассматриваемое без всякого отношения к национальности населяющих его монахов; если бы русских и вовсе не было на Афоне, если бы число и влияние их с каждым годом не возрастало, то и тогда Афон, как Святыня Православия, имел бы значение для нас, как одна из главных точек опоры православной политики на Востоке. Но сверх того Афон хотя и медленно, но видимо русеет...»

Константин Леонтьев
Записка об Афонской Горе и
об отношениях ее к России
[1]

По моему мнению, на Востоке православ-
но-турецком у нас есть две очень важные
точки опоры, созданные самой историей на-
шей или народом, помимо всякого прямого
участия наших властей: одна Афон; другая
Добруджа. <...>

Афон имеет в настоящее время для нас
двойное значение. Одно его значение – чисто
церковное, православное, рассматриваемое
без всякого отношения к национальности на-
селяющих его монахов; если бы русских и во-
все не было на Афоне, если бы число и влия-
ние их с каждым годом не возрастало, то и то-
гда Афон, как Святыня Православия, имел бы
значение для нас, как одна из главных точек
опоры православной политики на Востоке.
Но сверх того Афон хотя и медленно, но види-
мо русеет. Есть предсказание одного недавно
умершего отшельника (из болгар или греков,
не помню), что на Афоне скоро будет 8 мона-
стырей русских и один франкский (из фран-
ков, обращенных в Православие). Когда мы
судим о более или менее близком будущем,
тогда, чтобы не ошибиться и не попасть на
ложный практический путь, мы должны

брать в расчет не одну статистику данной минуты как нечто вечное и непреложное, но и то течение обстоятельств, те залого, на которых может зиждиться будущее.

Обновление во всем неизбежно; от движения вперед, от изменений, к упадку ли они ведут или к развитию лучшего, во всяком случае устранить нет возможности. Если мы взглянем на Афон в его настоящем виде и взглянем поверхностно, то он покажется нам вполне греческим. Зависит он в высшей инстанции от Цареградского Патриарха; в его Синоде (Протат) заседают с печатями 20 представителей 20 монастырей; из них один серб [2] (хилендарский) и один болгарин (зографский) и 18 греков. Даже Русский монастырь Св. Пантелеймона посылает туда представителем грека из своей братии, а не русского (эта крайне разумная политика русских духовников нимало не вредит русским); предоставляя грекам во всем внешнее представительство, видимое начальство, главный собор в обители и т. п., они сохраняют за собою все существенное, именно: как чрезвычайную силу нравственного влияния, так и залого ве-

щественной силы.

Итак, кроме Хилендаря и Зографа, все остальные монастыри имеют представителями в Протате греков; общий официальный язык Св. Горы греческий; устав, обычаи, большинство построек всё носит издревле византийский характер. Число греческих монахов далеко превосходит на Афоне число других монахов, русских, болгар, молдо-валахов и т. п. Самые богатые монастыри (Ватопед, Ивер) греческие; в штатных греческих монастырях живут самые богатые (т. е. лично богатые) монахи.

Так, например, в одном из этих монастырей есть монах, занимающий в нем один 10 хороших комнат; с другой стороны, напротив того, самые строгие подвижники, живущие в пещерах и под скалами, б. ч. греки же. Так что, с первого взгляда кажется, что за греков всё: число, административная власть, географическое положение, богатство, обычаи, язык и даже высшие образцы подвижничества.

Но это именно и есть то, что я называю обманчивой статистикой данной минуты.

Надо взглядеться глубже в течение обстоя-

тельств и увидеть, куда дует ветер.

Число. Число греков на Св. Горе не растет; а число русских с 40-х годов постоянно растет. Распространяются больше и больше в России сочинения об Афоне; с легкой руки Святогорца напечаталось у нас об Афоне сравнительно с прежним довольно много книг. С распространением сочинений и изустных рассказов о Святой Горе в народе ежегодно растет как число поклонников, так и число людей, желающих постричься на Афоне. Из каждой толпы русских поклонников найдется всегда несколько людей, которые если не остаются немедленно здесь, то уносят в сердце своем желание возвратиться на Афон уже не поклонником, а послушником; людей молодых привлекает сюда особенно то, что здесь нет женщин. Железная дорога, которая строится из Салоник к Дунаю, утроит, наверное, число посетителей русских на Афоне. Немецкие и итальянские инженеры, которые, сидя в Солуни, вероятно, презрительно думают и отзываются о русских и об Афоне или о монашестве вообще, не подозревают, конечно, что они работают для России и для монашества. Желез-

ная дорога привезет сюда, вероятно, и таких людей из России, которые с удовольствием посетят Св. Гору из одного любопытства. Но и любопытство в этом случае полезно; плоды любопытства: изучение и нередко справедливый суд; плодом изучения может быть уважение и любовь; плодом уважения и любви бывает часто возвращение к утраченной вере.

Можно надеяться, что железная дорога и др. благоприятные обстоятельства привлекут сюда не только простой народ и людей высшего (придворного и богатого) дворянства, но и многих людей среднего общества, и достаточных, и тех неимущих, но ученых, которых хорошо называли публицисты людьми умственного пролетариата. Для Православия очень было бы полезно приобрести побольше союзников в этом классе людей, в руках которых столь часто находятся (к сожалению) печать, народное обучение и т. п. орудия силы; в этом вредном классе, которого постоянным рассадником у нас служат: обедневшее дворянство, семинаристы, таящие иногда какой-то дух демагогической злобы, даже и тогда, когда они имеют вид охранителей, дети

столичных чиновников, лишенные часто всех теплых церковных и семейных впечатлений отрочества, которыми изобилуют молодые годы детей помещичьих, крестьянских и в особенности купеческих. Что касается до самого высшего круга нашего, то, во-первых, вследствие другого воспитания и лучшей обстановки в нем больше религиозных людей, чем в среде дворянского и церковно-семинарского пролетариата; а во-вторых, высший круг наш со Святой Горой уже ближе ознакомился после посещения Афона Их Высочествами Великими Князьями.

Афону посетителей умных бояться нечего. Афон вообще выигрывает вблизи. Даже и г. Благовещенский, который считается порицателем Афона, своим сочинением сделал ему больше пользы, чем вреда. Простодушные люди его и не читали; а люди, которые воображают, что все монахи либо тунеядцы, либо мошенники, либо идиоты, увидели из его статьи, что они и не то, и не другое, и не третье.

Я сам знаю пример полезного действия статьи г. Благовещенского на таких людей, которые до прочтения его книги или огулом,

ничего не изучая, порицали монахов за лицемерие и тунеядство, или смотрели на них без всякого внимания, так, как смотрит приезжий на какие-нибудь старые пятна на стене постоянного двора.

Г. Благовещенский не особенно умен; он хорош лишь тем, что честен; писал, что думал. Вся книга его пропитана такой мыслью: «Для чего же эти люди так трудятся здесь; столько себя лишают, не видят женщин, постанутся, копают землю, по 10–12 часов ночью выстаивают в церкви и т. д.?» Читатель, узнавая об этих подвигах не от монаха, не от писателя, известного своим Православием, как, например, Ан. Н. Муравьев, а почти от нигилиста, верит им больше и заключение выводит, может быть, вовсе не то, которого ждал г. Благовещенский, добросовестно, однако, сознавшийся, что Афон имеет в себе нечто стягивающее.

Если взять при этом в расчет еще два обстоятельства: во-первых, что нравственный и государственный разгром Западной Европы, вероятно, не замедлит обнаружиться не только во Франции, которая издавна была лишь

предтечей другим нациям Запада и в худом, и в хорошем, но в Англии, Италии и Германии [3]; а с другой, что и без того уже (без тех ужасающих примеров, которые, без сомнения, готовит нам западная жизнь) общество наше в лице высших умов своих более и более начинает возвращаться к религиозности, – то духовная связь России с Афоном, как с одной из главных святынь Православия, покажется весьма крепкой в будущем.

Итак, я перечел некоторые из возможностей, могущих благоприятствовать увеличению числа русских на Афоне.

Обратимся к грекам. Поклонников греческих, несмотря на близость греческих стран, на Афоне почти совсем нет. Значительное распространение грамотности по греческим селам все больше и больше подкапывается под основы церковности. Нигилистов отъявленных между обученными греками почти нет. Им в этом препятствуют уже три вещи: во-первых, вечная необходимость смотреть на Православие как на орудие их политических действий на Востоке: а политикует всякий грек, даже и держащийся за плуг.

Во-вторых, ревность восточная вообще и греческая в особенности; греки охотно допускают для мужчин тайную свободу поведения; но не признают уже решительно никакого женского вопроса.

В-третьих, экономическая жесткость греков, их скупость и дух мелкого торгашества, противоречащий гораздо более, чем настоящее барство, тому духу щедрости и общительности, который составляет, может быть, единственную добрую сторону социалистических стремлений. И грек-купец и купец-болгарин — на русского купца вовсе не похожи. Употребляя слово «барство» в противоположность мелкому, жидовскому торгашеству и скупости людей греческой и болгарской крови, я разумел под этим словом не характер одних дворян наших, но, если угодно, еще более характер русских купцов; ибо ширина и щедрость были всегда свойствами людей этого сословия, и в этом смысле, скорее, их можно назвать «барами», чем многих гладеньких дворянчиков и джентльменов нашего времени, две капли воды похожих на английских или французских буржуа.

Русский купец сегодня перебьет дорогие зеркала в трактире или обогатит трех цыганок, а завтра он построит в минуту раскаяния храм Божий или поедет на поклонение Святым Местам. Греко-болгарский торговец зеркал не перебьет и у цыганок возьмет сдачу мелочью с лиры турецкой, но и церкви не построит, и на Афон не поедет.

Это так. Нигилистов отъявленных между греками не встретишь; но зато никто так не способен делаться ничему в душе не верующим и либеральным, умеренно-прогрессивным буржуа, на европейский лад, как наш восточный единоведец. Европа, прогресс, цивилизация не сходят у него с языка; хотя часто он видит прогресс там, где человек знающий видит разложение; находит изящество там, где царствует безвкусие, премудрость ищет в том, в чем мы, старые ученики Запада, умеем уже открывать пустоту и фразу и т. д. Афинские, цареградские учителя, воспитанники Янинской гимназии и Загорских школ эллинизма, разбросанные по селам и городам Турции, — это, по моему мнению, невыносимая зараза. «Зачем ты молишься иконам; это дос-

ки», «Бог невидим». «Зачем ты постишься так строго; это пустяки. А главное, нездорово». «Такой-то писатель пишет, что мясо...» и т. д. «Вы, люди заскорузлые, древние (скуриазмёни антропи)». «Ты не говори – я христианин, ты говори – я эллин». Вот любимый разговор такого рода просветителей. Нелишним полагаю привести следующий поразительный пример сравнительного русского и греческого миросозерцания. Когда после долгой болезни моей мне на Афоне стало лучше и иногда случалось говорить об этом и с греками, и с русскими мирянами (русскими поклонниками, греческими селянами, некоторыми горожанами-греками и даже греками-монахами). Первое слово русского большею частию: «Ну и Слава Богу! Мать Пресвятая Богородица и Св. Пантелеймон». А грек: «Да. Климат на Афоне прекрасный; общества только нет и развлечений городских». Повторяю, даже некоторые грамотные и бывалые селяне и монахи, претендующие на образованность, отвечали мне так. Стоит греку и болгарину обучиться немножко побольше в школе, а тем более побывать по делам в Европе (т. е. в Триесте,

Марселе, Молдо-Валахии или даже Кишиневе и Таганроге), как сейчас уже у него заболела печень, и он не может выносить поста, хотя родной брат его, может быть, еще продолжает пасти стадо своих родителей, и сами родители эти кушают где-нибудь в Ходжа-Балкане или Эпирских ущельях по дедовскому порядку руками, и «соки кушанья текут по бороде их на грудь», как с восторгом выражался раз при мне некий пожилой фракиец, один из немногих искренних, хотя и ученых почитателей старины на Востоке.

Что касается до элинов Свободного Королевства, то хотя, как я слышал от афонских монахов, там по большинству сел религиозность держится еще, пожалуй, крепче, чем в иных округах Турции, но так как руководство дел принадлежит адвокатам и вообще людям афинским и ученым, то никого так афонцы не боятся в случае каких-либо переворотов, как свободных элинов. В 1854 году монахи от турок не страдали вовсе, а страдали от восставших жителей соседних Афону греческих сел и от перешедших границу элинов. На это мне жаловались монахи из греков еще гораз-

до больше, чем русские монахи. Старый греческий епископ Калиник, живущий на покое у Афонских Святынь, говорил мне однажды так: «Нет у наших мирских греков того благочестия, которое я вижу у ваших русских. Я знаю нескольких русских высшего круга, беседовал с г. Муравьевым, с г. Савостьяновым и другими; и каждый день вижу тысячи пожертвований, присылаемых из России. А что касается до ваших простых поклонников, то я, старый архиерей, ставил сам себе не раз в пример иных из этих безграмотных и простодушных людей».

Прогрессивные просветители по селам Востока гораздо вреднее не только турок, умеющих чтить[4], подобно русским, и свою, и чужую святыню, но даже и католических священников и наших нигилистов.

Начни говорить наш нигилист всё прямо в деревне, его побьют и даже убьют, может быть. Примеры первому, если не ошибаюсь, и бывали. В Тульче мне рассказывали, что известного Кельсиева чуть-чуть было не убили малороссы за то, что при начале своей агитаторской деятельности он стал убеждать их,

что Бога нет.

Не знаю, правда ли это, но меня один тульчинский доктор уверял, что Кельсиев после этого две недели провел в постели.

Такого рода уроки, конечно, заставят серьезно задуматься и могут привести человека к исправлению глубокому и коренному, как привели Кельсиева, ставшего теперь одним из самых полезных национальных писателей наших.

Но прогрессивный грек сохраняет всегда уважение к семье и религии в ее самых общих чертах; к тому же бранит турок и папу; и на это привлекаются селяне, крайне сверх того падкие на грамотность в здешних краях. («Грамотного человека и в счете не скоро обманет другой!» – вот самая живая, одушевляющая их в этом случае мысль.) Если грек, обученный в школе, не будет явно нападать на Бога и Христа, будет часто жаловаться, что подати у султана велики, не забудет при этом описывать роскошь, богатство и прямые улицы (это уже непременно) городов истинно просвещенных стран, умалчивая, конечно, о коммунизме и о нищете пролетариев, кото-

рых у варваров-турок вовсе нет; а главное, если он будет как можно грубее твердить: «А жена да боится мужа своего!..», то селяне будут считать его умнейшим человеком и многое ему простят.

Прибавим еще одно очень важное примечание по этому поводу: оно объяснит нам многое. Наши неосторожные молодые агитаторы были (и есть) почти без исключения дворянские дети или семинаристы, которых, когда они в сюртуке, а не в рясе, мужик и мещанин наши не в состоянии хорошо отличить от дворян, по некоторым, нередко явственным, но простолюдину малодоступным оттенкам. Поэтому у простолюдина русского сложилась идея, что Каракозов, Нечаев и студенты, волновавшиеся в 61-м году, суть не что иное, как господские дети, которые сердятся на Государя за освобождение крестьян с землею.

Придерживаясь и в этом случае моего правила приводить осязательные примеры, я приведу их три. Два простых монаха (приезжие на Афон из России, а не здешние) говорили мне недавно так: «Удивительное это дело –

Нечаева; когда бы все они были из господ, так известно, что это досада на Государя за волю; а чего ищут другие? Были между ними, слышно, и не из господских детей ученики». Теперь живет здесь приезжий из известных майноских станиц Малой Азии – старообрядец. Он отряжен сюда своими единоверцами для попыток сближения с Православной Церковью[5]. На днях он сказал мне вот что: «Читал я в газете, что в России хотят распублику завести. И все ведь это высшее начальство из господ делает. Ну где распублику: тут все поголовно за Царя встанут. Нам без Царя нельзя». Монахам я вовсе не возражал, не желая выводить их из столь полезного для порядка в России заблуждения их, а старообрядцу постарался объяснить, что это никак не начальство, а кой-какие бездомные дворянчики и мальчишки, которых, разумеется, следует строго наказывать. Еще в 61-м году, будучи в Москве во время студенческих волнений, я слышал от одной солдатки, родом крепостной из Калуги, такую же речь. «Если господа задумали что-нибудь против Царской Фамилии, то мы от них и следа не оставим».

Поэтому всякая неосторожная революционная или атеистическая проповедь у нас на народ не действует; народ наш в людях ученых, но Царю не служащих, вообще видит до сих пор еще, к счастью, мало толка и не считает их своими людьми.

Иное дело на Востоке. Дворян тут нет. Все одна плоть и одна кровь – греческая или болгарская, положим. Освобождение Эллады и реформы султана Махмуда застали всех почти равными в рабстве, с одной стороны, и в патриархальных верованиях – с другой. Дворянства здесь не было, повторяю; не было словесного неравенства и разнообразия. Из равенства в рабстве всё на Востоке быстро переходит к равенству в буржуазной демократичности. Вчерашний пастух становится завтра учителем, слуга – купцом, мальчик-разносчик – доктором; кавас – сельским священником; сапожник или портной-подмастерье, разбогатевши, заседает в меджлисах с пашой, который, может быть, недавно только был при Лондонском или Петербургском дворе и т. д.

Благородный (эвгеніс) на Востоке тот, кто

имеет деньги, говорит чисто по-эллински или с грехом пополам по-французски, носит европейское платье и ходит с визитами к посланникам или хоть бы и к консулам.

Относительно таких благородных или, обобщая мысль, относительно таких прогрессистов на Востоке у христиан нет и не может быть ни хороших, ни худых преданий. Именно поэтому-то, по своей близости и родственности народу, они, особенно при религиозном фарисействе, которого многие из них не совсем чуждаются из политики, могут быть вреднее всякого нашего вертопраха-отрицателя, которого народ принимает совсем не за то, что он есть.

Эта же самая причина – отсутствие сословного разнообразия на Востоке – при весьма благоприятных условиях исторических для распространения грамотности мелкой в ущерб глубокому развитию ума, вкуса, воображения, доблестных или тонких чувств, при отсутствии к тому же привычки властвовать и охоты подчиняться, сопрягаясь с разлагающими местную старину западными влияниями, способствует к развитию религиозного

индифферентизма гораздо более, чем у нас.

У нас современная Европа действует на почву, во-первых, в высшей степени сложную, во-вторых, на умы, давно и отлично знакомые с Европой и потому уже значительно пресытившиеся ею; наконец (скажем физиологически), на нервы очень впечатлительные как у дворян, так и богатого купечества; но какие же нервы у тульчинских Дмитраки бе-ев, у македонских Х. Лазарей, у адрианопольских Сакелларио и Карамихайловых и т. п., когда до сих пор если не родные, то двоюродные братья их пасут стада своих отцов! Не спорю, что в этой грубости есть залого силы, но я говорю о грубости настоящего, а не об отдаленных днях будущего, когда эти залого, может быть, дадут здоровый и прекрасный культурный плод.

Я хотел этим сказать, собственно, три вещи: 1) что люди на Востоке (особенно христиане) гораздо однообразнее наших, сходнее между собою и потому вообще тупее и беднее духом, чем наши (на афонских монахах, например, эта разница поразительна); 2) что простота патриархальной, безграмотной ре-

лигиозности здесь, при крайней демократизации общества, чрезвычайно легко превращается в простоту буржуазно-прогрессивного индифферентизма и 3) что тех идеально-религиозных чувств, того внутреннего огня, того беспокойства, которое пожирает столь многих русских всех воспитаний и всех слоев общественных, начиная от вельможи и писателя до последнего нищего, я на Востоке не замечал ни у греков, ни у болгар. У них как-то нет живой середины между холодным старобрядчеством и холодным прогрессом индифферентизма. Болгары при всей своей ненависти к грекам, по воспитанию своему и вообще по характеру своей грамотной среды до сих пор не что иное, как перевод с греческого на славянский язык. Болгарская интеллигенция – это нечто вроде оружия, приготовленного на греческих фабриках, но обращенного потом противу греков. Исторические предания иные у греков, иные у болгар; политические цели противоположны, и, насколько я мог заметить, самые способные из болгар будут еще долго предпочитать дружбу с турками искренности с нами, доверчивости с сер-

бами и союзу с греками. Но как бы то ни было, в психологическом отношении между болгарскими и греками гораздо меньше разницы, чем между москвитянами и малороссами, даже чем между великороссами разного сословного происхождения; например, между монахом русским из семинаристов, монахом из дворян и монахом из купцов мы найдем несравненно больше разницы в духе, в приемах, в привычках, чем между хилендарским болгарин[6] и эсфигменским или святопавловским греком.

О сухости греко-болгарской в деле религии, повторяю, говорили мне люди весьма несхожие: Ахмед Рассим Паша и протестантский миссионер Флокен на Дунае, который не любил болгар именно за их равнодушие и ставил русских всех исповеданий и всех ересей гораздо выше их по искренности и силе убеждений. В том же роде отзывается француз Абу о свободных греках.

Кельсиев, порядочно знакомый с Турцией, печатал о здешних людях то же самое.

Самое отсутствие расколов и ересей у греков и болгар происходит не столько от рели-

гиозности их, сколько от равнодушия и сухости.

Русский духовник, известный о. Иероним, сказывал мне, что в течение его долгой жизни на Афоне здесь перебивало по крайней мере до двухсот более или менее религиозных дворян русских, богатых и бедных, знатных и незнатных, чиновных и нечиновных; только дворян до 200, а из купечества? Тогда как, по его же счету, из Греции если за все время его пребывания на Афоне было три человека образованных, то и то много.

Один из них был врач, желавший устроиться при монахах из практических целей.

Не надо при этом терять из виду, что Афон у нас был еще недавно почти забыт; а в Греции о нем знает, я думаю, каждый ребенок; надо еще вспомнить и о близости Эллады, и об отдалении России, чтобы вышеприведенные цифры стали еще поразительнее.

В Турции то же самое; я знаю многих молодых и пожилых людей торгового круга, родившихся в Солуни, которые находят время и средства ездить в Англию, в Швейцарию, в Париж и ни разу даже (хоть бы из любопыт-

ства) не посетили Афон!

С удивлением рассказывали мне люди (где именно, сознаюсь, не помню; кажется, в Корфу), что на одном пароходе слышали спор о поклонении мощам между одним афинским профессором и русским дипломатом и придворным (называть его по имени я не буду) и что бедный афинский мудрец, глумившийся над корфиотами, более афинян верующими, должен был, наконец, уступить учености и благочестию русского царедворца.

Прошлым летом приезжал сюда по обещанию после болезни на поклонение главе Св. Пантелеймона один одесский адвокат. В Русике висит портрет одного офицера нашего с собственной подписью его в получении исцеления. Греческие адвокаты что-то сюда не ездят, и портретов офицеры эллинские не шлют. У о. Иеронима в настоящую минуту лежат на столе посмертные записки одного русского чиновника, исполненные самых чистых верований; он завещал другу издать их, если можно, и этот друг прислал рукопись сюда с просьбой о содействии.

Греческие чиновники посмертных запи-

сок о своих грехах, страданиях и покаянии не издают. Записки паломника написаны князем Волконским. Если бы в Афинах или Цареграде и нашелся бы грек, которого по порядочности и воспитанию можно было бы приравнять к русскому князю, и если бы он вздумал бы издавать «Записки», то это могли бы быть «Записки критского повстанца», или «афинского демагога», «турецкого чиновника из фанариотов», или, наконец, «Записки семь раз падшего и восставшего министра Греции», а никак не паломника.

Князя Шихматовы из греков на Афоне не спасались. Богатая греко-монашеская аристократия на Афоне состоит: из отставных архиереев, из пожилых, давно удалившихся сюда на покой, случайно разбогатевших простолюдинов и, наконец, из послушников и воспитанников архиерейских и монашеских, унаследовавших состояние старцев, за которыми они ходили и которых покоили в дряхлости их.

Еще примеры. В одной из здешних русских обителей живет русский схимонах из старой барской фамилии, получивший исцеление от

безумия на Афоне; он нрава очень неуживчивого, и духовникам с ним много труда и горя, но в пламенной религиозности его не сомневается никто. А этот человек был гусаром, волокитой, мотом и до сих пор еще вспоминает в иные минуты о Париже, где он прожил долго. Таких людей между восточными христианами вовсе нет; их религиозная теплота стынет, не дожидаясь петербургской и парижской роскоши; она стынет под одним слабым дыханьем афинского просвещения.

На Афон же собирается скоро поступить один молодой русский монах из офицеров; он учился в корпусе, сражался в Севастополе, жил в Москве и знаком с естественными науками. На Афоне же хочет кончить свою жизнь и другой военный; человек средних лет, в чинах, еще крепкий, энергический мрянин, герой Севастополя, Польши и Кавказа; он ждет только скромной пенсии, чтобы удалиться сюда; прилежно посещает церкви и подчиняется монахам охотно, несмотря на суровость и энергию своего нрава.

Духовники наши говорят, что есть даже и между докторами русскими благочестивые

люди.

Мне кажется, примеров этих более чем довольно для того, чтобы показать, как велика разница между русскими и здешними мирянами.

Ясно, что при такой противоположности можно ожидать увеличения числа русских поклонников и русских монахов на Святой Горе и нельзя не ожидать ослабления греческого элемента. Прибавим еще одно замечание. Простые русские монахи, исполняющие здесь более простые работы, – вербуются все из убежденных поклонников, которые на последние свои средства приходят сюда из дальних краев; а простые греко-болгарские монахи большею частью поступают из поденщиков и слуг монастырских, которые идут на Афон для заработков при монастырских постройках, поправках путей и водопроводов, виноградниках и т. п. и потом уже привыкают постепенно к строю афонской жизни. Я полагаю, и в этом есть огромная нравственная разница.

Я кончил о численности русского и местного элемента на Афоне; далее я постараюсь

доказать, что и со стороны власти, богатства и даже нравственного влияния русские постепенно берут и будут брать здесь перевес над своими восточными единовѣрцами.

Обстоятельства не позволяют мне теперь окончить всю записку разом.

1872, апрель

Примечания

Консульская записка, посланная Леонтьевым с Афона в Константинополь гр. Игнатьеву. Публикуется по изданию К.Н. Леонтьев «Восток, Россия и Славянство» М., 1996.

[^^^]

2

Серб – только по имени и преданию; сербов в Хилеидаре очень мало; все болгаре.

[^^^]

Я, признаюсь, не понимаю, как можно верить в прочность государственного порядка в Германии: Германия велика теперь потому, что в Пруссии государь еще почти самодержавный помазанник и делами правят просвещенные, но суровые молодцы юнкертума. При всеобщем обучении народа грамоте и военному делу стоит только, чтобы власть перешла из военных рук пруссаков в руки конституционной и либеральной партии, которая во всей континентальной Европе оказалась решительно пустоголовой и годной только для перехода к анархии, — так и ясно будет, что Германия еще слабее, пожалуй, и хуже Франции. Сверх того, один неловкий шаг во внешней политике может поставить Германию в нестерпимые тиски. Таково ее географическое положение; удобное в случае поочередных побед направо и налево, оно было бы ужасно в случае поражения с двух сторон. Безверие же, по утверждению многих писателей, в Германии сильнее развито, чем в самой Франции. При общей грамотности его

легко лет в 10 сообщить и всему народу. Я бы мог и сам привести на это живые примеры из моих встреч на Востоке со многими немцами. Многих обмануло то, что виднее всех в последнее время были в Германии благочестивый, почтенный прусский король и горсть окружающих его людей, б. ч. очень пожилых, как известно. Но что стоит за ними?

[^^^]

4

Этому я мог бы привести много примеров.

[^^^]

5

Об этом я буду иметь честь сообщить позднее, когда ход дела обозначится яснее. Пока еще майносцы колеблются и не решаются на некоторые уступки.

[^^^]

6

Сербов в Хилендаре не более 4 человек. Сербы, как я здесь слышу, совсем почти перестают постригаться.

[^^^]